

Как жизнь
переходит в
смерть,
так смерть
превращается
в жизнь...

ШУМ СЛЕПЫХ

Воль

16+

Воль

Шум слепых

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56309245

SelfPub; 2020

Аннотация

Бессмертный и смертная. Мужчина и женщина. Искалеченные, выброшенные на помойку жизни. Грешники, запертые в вакууме собственных возможностей и мыслей. Они оказались в пустыне, из которой нет выхода. И у них лишь одна цель в этом путешествии – идти. Познайте мир чувств и прикосновений в царстве, где властвуют слепота и глухота. Данный роман входит в цикл "Путь".

Содержание

Часть первая. Пустыня	6
Глава первая. Хор в моей голове	6
Глава вторая. Протянутая рука	16
Глава третья. На земле песчаной	25
Глава четвёртая. Анчар	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

*«Так тяжело существовать одному.
Знать, что тебя никто не услышит
И имени не спросит даже.
Знать, что никто не ждёт
И не готов обед разделить.
Так сложно прожить в горе,
Но счастливым ещё сложнее быть,
Или гнобят, или завидуют, желая кончины твоей.»*

Как долго ещё идти? Мои ноги устали, стёрлась кожа на стопах, а под ногтями крупные крупинки песка. Он стремится попасть под одежду, затопить её через складки, залезть в уши и залететь с ветром в рот. Надо мной горит яркое солнце цветом яичного желтка, обжигающее, великолепно переливающееся на холмистых горизонтах. Куда не пойдёшь, куда не ступишь, везде разный встречает меня пустынный пейзаж. Не росли здесь кактусы, не протекали редкие реки, не располагались оазисы. Я долго брела по этому краю, ничего не понимая, дрожа от необъяснимого страха. Сердце внутри бешено колотилось, как будто ноги вели к чему-то новому, что помешает слабой душевной организации такой как я.

Всегда не любила незнакомцев, странные места и жару, а тут всё находилось вместе, как по заказу заклинателя снов, что наверняка ненавидел меня.

Кроме ветра, моих мыслей, бьющихся песчинок о пески в необъятной золотой пустыне не звучало. Признаюсь, на ка-

кой-то десяток часов хождений, мне почувствовалось одиночество. Оно цепкими клешнями связало лёгкие, сжало и не отпускало. В полном бреде, мрачной тишине и при палящем солнцем, сходила с ума, кричала от бессилия и усталости и не знала, когда беды мои кончатся. Как жаль, что это было только начало утомительного пути по этому незнакомому месту.

Часть первая. Пустыня

Глава первая. Хор в моей голове

Мыслить начала рано и продолжала делать это довольно успешно. Потребность в обществе частенько скармливалось живой фантазии, способной перебороть даже закоренелого творца, возомнившего себя гением. К своим годам почти разочаровалась в жизни и оттого мыслить, размышлять стало просто необходимостью, заставлявшей питаться, спать, читать и выполнять мелкие поручения. Во мне почти не горел огонь страсти, не кипели желания. Порой просто хотелось покоя. И так хотелось иногда уйти в такую пустыню, какую вижу перед своими глазами, но сейчас осознаю, что покой в пустыне – лишь иллюзия. А я всё брела и брела, и не видела её конца.

Кружилась мимо разнообразных песчаных видов, поднималась на холмы и утопала в песке. Всё, как всегда. Спала на горячих крупинках, размышляла о бытие и понимала условия игры. К счастью или к великому сожалению, спустя кучу времени так и не нашла ни скорпионов, змей, какой-либо живности, растений тем более. Всё это утомляло. Не в силах дойти до конца, запутавшись в собственных следах, медленно падало желание идти. Просто падала, валялась и прокли-

нала существо, из-за которого тут оказалась, если, конечно, оно существовало. Мне было интересно посмотреть в лицо того, кто отправил меня сюда, делать не понятно, что, без цели, задач.

Я могла устать, захотеть спать, но никак не поесть или сходить в туалет. Большая часть потребностей просто отключились, словно мне прямым текстом говорили: «Иди, просто иди». Лучше лопнуть от полного пузыря, чем от одиночества или бесцельного блуждания по холмам.

Хоть одну птицу! Хотя бы таракана! Нет же, никого и ничего не окружало меня, кроме далёкого голубого неба, по которому плыли различные облака, высокие и низкие, пышные и плоские, с формами и без, кроме солнца, безжалостно светившее надо мной, как бы насмехавшегося, кроме песка.

Было так отчаянно на душе. Закапывалась в пески, стремилась утонуть, но даже под толстым слоем дышалось спокойно и легко. Пыталась задушиться, да силы в руках кончались. Я действительно находилась в ужасном положении, несравнимым даже с пытками греческих героев.

Позвольте спросить вас, способны вы выдержать то, что выпало на долю одной особи? Способны не срывать в громких разрывающих глотку криках? Способны не проливать реки слёз, высыхающие за мгновения на щеках? Ни книг, ни музыки, ни людей, ни животных. Крик. Только крик, поднимавший волны звука, единственный, резкий, мой. Я звала к небесам, шептала земле и просили освободить от этой муки.

Сотрясала пустыню пронзительным свистом лёгких, до беспомощности насиловала голосовые связки и была готова лишиться голоса, чтобы только не остаться в полной тишине.

Настолько невыносима была окружающая пустота, что приходилось садиться на песок, упереться взглядом за горизонт и что-нибудь говорить. Всякий бред, к примеру:

– Человек произошёл от китов. На Землю не падал метеорит. Что дождь – слёзы облаков.

Расписывала каждую ненормальную идею, даже ту, предполагающую, что наша планета – плоская как тарелка, с которой стекают воды океана, падающих в небытие. Мне показалось довольно забавным данная нелогичная задумка, что на миг представилось, что планета не тарелка, а раковина, через которую по трудам стекаются отходы, лишняя вода, чтобы не затопить соседей, когда та возжелает залить пол. Разгорячённые пеклом пальцы скребли по песку такую раковину, в голове представлялись картинки. Всё казалось реальным и доказуемым, но мне хотелось плакать.

Сходить с ума на столько, чтобы думать об этом? Просто спасите меня, кто-нибудь. Пусть хоть кто-нибудь мысли мои услышит...

Я блуждала так долго, так быстро, так незаметно. Времени здесь не существовало. Волосы не отрастали, ногти не росли. Я была погребена в этом ужасном месте. Всем сердцем возненавидела пустыни, солнце, жёлтый цвет.

Просто смотрела на всё, вставала и шла, куда вели ноги.

В очередной раз, скатившись с некрутого холма, распласталась звездой и стала зачитывать стихотворения, изредка выкрикивая слова. Плохое настроение, не собиравшееся уходить, затапливающее моё существование, давало мне настоящую депрессию. Здесь не было выхода. Тьма души, совесть и гордыня, ненависть и любовь сцепились друг в друга, начали рвать, изрывать, уничтожать. Слова о прекрасном, о роли поэта в обществе, о несчастной Музе, об одиночестве через призму состояния природы... о чём ещё думать в этой пустыне? Уже сходила с ума. Так почему не приблизить себя к цели?

Пальцы снова сжали горло. Мне хватало смелости для убийства, но для завершения снова не осталось сил. Била в панике песок, резала тупыми когтями в месте, под которым должно было биться сердце. Состояние на грани, перешагивающее грань, безумное, одичавшее. Теперь не стать больше человеком. Я убивала себя, чтобы перестать чем-то, думать о чём-то, размышлять, мыслить, желала слиться с мелкими частичками, принять в себя небеса, ветер, разорваться под его напором.

И снова напряглись колени, закрипели. Снова опиралась о землю и пыталась встать. Падала, с криком, катилась дальше по склону, заворачиваясь в песок как в кокон. Песок обжигал глаза, забивался в нос, но всё это было не смертельно, как жаль! Как же была зла. Вспыхнула как искра, что ки-

нули в стог сухой тёплой сены, разрослась пожаром над всеми холмами, под огромнейшим глубинным небосводом, разверзлись подо мной пески, и с ветром окружили меня, подо мной вздыбились следы. Длинный след по нескончаемой пустыне отчётливо виднелся повсюду, мои ноги вытоптали сигналы злости, перекипятившей усталость и одиночество, увенчанной шорохами песчинок. Я бежала с ветром наравне, подпрыгивая, огибая любые повороты, словно звуковая волна, идущая через всё, застревавшая в дивном вакууме, границы которого мне ещё требовалось узнать. Я оказалась слишком сильной, чтобы дать себе уничтожить себя или кому-то ещё. Никогда такой уверенности в себе не ощущала.

Пока умела представлять себя, осознавать в этом мире, во мне ещё хранился тонкий, почти невидимый луч надежды, способный вновь пробудить пламя жизни. В эту секунду осознала весь смысл одного высказывания, что, по сути, определило место человека в личной философии. «Если я мыслю, я существую», примерно так сказал Рене Декарт. Этот дядька, давно умерший, точно вписался в моё одиночество. Как только перестану мыслить, ничем от песка не смогу отличиться. Пока осознаю свои поступки, ход рассуждений, пока не деру на себе единственную одежду, ещё человек, способный на существование.

В секунду осознания себя, под куполом, сдерживающего моё тело, мой взгляд изменился. Из запуганного человека, познавшего собственную слабость, вырвалась наружу едкая

смелость, должно быть, поразившая даже богов. Усмешка, частично сокрытая песочком, но открытая для наблюдателей, могла смутить любого мудреца, привыкшего говорить, что «нельзя менять свою судьбу, нужно идти по тому, что для тебя приготовили». Ох, никогда не была согласна с этим утверждением. Пускай мы до сих пор не разобрались с вопросом, как появилось Мирозданье, но точно я решаю, пойти направо, налево, вперёд или назад, а, может, даже зигзагом!

В секунду осознания себя здесь, туман, разделявшее мои сознание и чувства, рассеялся. Вновь почувствовала себя живой, с бьющимся дорогим сердцем. Вновь вздохнула и не засомневалась, что смогу преодолеть приготовленную дорогу и отыскать ответы на интересующие вопросы. Я почувствовала себя. Власть над собой.

Натянутая злая усмешка сменилась лёгкой улыбкой, что до оправления сюда, всегда была на моём лице. Искренняя. Мечтательная. Вольнолюбивая. В ней было немного грусти и ностальгии по тем временам, когда только училась ходить, вливалась в социум. И с этой улыбкой вприпрыжку, со смехом, песней про любовь, живущей везде, особенно в сердце, побежала по пустыне. Не унывала, когда падала, когда видела собственные следы, оставалась без сил. Много-много раз пела эту песню, вспоминала другую и пела новую, продолжала, преобразовывала мир скромными силами, заполняла его тысячами звуками разных оттенков, тонов и нот, чистыми и

грязными, закрытыми и открытыми, не стеснялась, пела во всю мочь, пока стенки вакуума не начинали дрожать, поднимая пески на укрощение дурного на нрав одного строптивного человечки, не думавшего сдаваться иль сходить с ума. И более того, настолько заполняла всё звуками, что на мгновении песчаных бурь с радостью замолкала и позволяла пескам обнять меня, засыпать до тишины, до пробуждения от нелепых снов, пытавшихся затащить меня вновь в лапы апатии.

Как же игра с моей жизнью и сознанием была увлекательна для создателя снов. Не могла же я предстать перед ним сомневающимся человечкой, боящегося каждого шороха, не знающего своих желаний? Сейчас была слишком сильна для всего, в моём сердце было столько угля, что в мгновение ока он разорвёт этот мир, только бы представился шанс.

В моменты грусти, окружённой тишиной, задумывалась о прошлом, вновь улыбалась и думала, куда пойти после сна или бури? Казалось бы, обошла всё, стен не нашла. И вперёд ходила, и назад, и змейкой, и кругами, увеличивая радиусы. В который раз, до бессилия обойдя пустыню, вновь наткнулась на собственные следы.

Меня отчаянно пытались сломить. Пытались запутать отпечатками стоп. Я не могла понять смысла... не могла его осознавать, шла с песнями, они со мной и остались. Больше ничего.

Интересно, что мне стоило попросить у богов, чтобы они перестали насмеяться надо мной? Мне стоило затушить на-

жду в конец? Перестать размышлять? Или стоило просто сидеть и ничего не делать? Как же всё было глупо.

Вечный день уже раздражал. Даже во время сна свет пробирался через веки. Отсутствие времени действовало ещё тяжелей на моё понимание себя. Сколько пробыла? Сколько не было дома? Знают ли домашние, где оказался их родственник? А если я в коме... как мне вернуться в тело обратно?

Многие знатоки говорили, что душа во время комы может бродить везде, днями, неделями, десятилетиями. Если у меня кома, тогда, где я должна быть? Не в сознании же? Оно явно было бы разноцветней... тогда... Аравийская пустыня, Сахара? Но здесь нет ничего, абсолютно, нет ночи, это явно не Земля. Обратная сторона Антарктиды? Была такая мысль. Может, в параллельном мире оказалась? Отсюда... нужно, чтобы прошло полгода, чтобы наступила ночь? Можно подождать. Наверняка, пробродила здесь не день. А есть ли во Вселенной, на основе моего раннего предположения, планета, опоясанная на экваторе землёй, как кольцом, чтобы за кольцом была вода, затем другие континенты? Если представить, что на ней также оказались люди, к примеру, на Севере? Они стали расселяться, путешествовать, искать новые места, наткнулись на различные острова, материки, а затем увидели эту землю, нескончаемую. Пошли по ней, и оказались через пару лет на том же месте, куда высадились. Чтобы они подумали? Что этот континент – конец планеты?

Вполне логично. Но главные вопросы: они задумаются, если посчитают эту месту концом, что к какому океану ты не вышел, можешь приплыть в точку начала, к тому месту, откуда пришли корабли? Или сколько человечеству потребуется время, чтобы побороть страх и оказаться на другом, противоположном берегу континента? Не посчитают ли они это место противоположной стороной планеты, на которой проживают мертвецы?

Если представить данную картину, то она кажется довольно забавной, достойной для написания даже целой исследовательской работы или романа об путешествии, других мирах. Человеку же интересен человек, все аспекты его жизни, от самых низменных, мерзких, до возвышенных, от которых начисто спирает дух.

На обдумывание данной теории мне потребовалось пять снов. Именно столько рассуждала об этой планете, представляла, каким будет для них прогресс, психологию этих людей. Мне даже мыслились истории дерзких путешественников, идущих против повеления церкви, боящихся перешагнуть континент из-за страха быть отвергнутым божеством за желание открывать, познавать, исследовать. Выходила увлекательнейшая история, поражавшая даже меня. На мгновение даже возгордилась своей фантазии. Как жаль; не с кем было обсудить данные вопросы. Я, конечно, могла спародировать несколько голосов, отыграть роли, но забоялась получить расстройство личности. Мне необходимо было сохра-

нить сознание единым, прочным и не подгибающимся под трудностями жизни.

Глава вторая. Протянутая рука

Думать так увлекательно. Моё творческое начало заби-лось в нескончаемых судорогах. Искала нечто новое, выхо-дящее за границы понимания человека из двадцать перво-го века, стремилась переступить, понять нечто такое, что не понять никому из землян. Выискивала оригинальный сюжет. Казалось бы, человек придумал уже всё, написал обо всём: переписывает, переделывает, обдумывает, подстраивает под себя, модифицирует, – а что дальше? Существует во Все-ленной что-то необычное для каждого, вне зависимости от развития цивилизации? Это также стоило выяснить, пока на меня перестало действовать общечеловеческий культурный опыт. Пускай за определённое время, проведённое на Земле, впитала в себя много информации, но сейчас... мне требова-лась создать уникальное знание. Без знания физики, химии и других сложных наук, что не изучала. Конечно, мне при-ходилось их учить, заучивать до скрежета зубов, да только не давались они особо. Не даются до сих пор. Слишком ма-ло времени на них даются, преподаются отвратительно слож-но, быстро, без опытов, без искорок в глазах учителей. Хотя так интересно смешивать реагенты, присоединять провода, создавать что-то новое, видеть это самим, понимать, что до этого додумался человек! Посредством наблюдения, много-численных вычислений и многолетних размышлений.

Знаете, порой, слушаешь людей, они говорят о других представителей человечества, что придумали яичницу, муку, стекло, пластмассу, как ковать железо, даже двигатель... видишь то, что придумали они, что составляют нашу жизнь, без которых нам в общем-то жить уже проблематично, и не понимаешь, как у них это получилось. Просто как? Кто додумался кинуть яйцо в кипящую воду? Кто додумался перемолоть зёрна пшеницы? Кто додумался обжечь глину? Для меня это загадка человечества, кажется, даже важнее появления человека на планете. Неужели это всё случайность? Или отчаянность безумцев, отвергаемых обществом, которым удалось переломить мнение большинства и его вкусы? Наверно, мы никогда об этом не узнаем.

Находясь сколькосотые часы под парящей в космосе звездой, обдумывая изобретения человека, просто начинаешь кричать от нескончаемых мыслей в голове. Кажется, их стало так много, что их некуда деть.

Я пела так громко, чтобы заглушить размышления. Всё тяжелей стало бежать от вопросов, на который не находились ответы. И за этим бегством перестала замечать следы под собой. В какой-то момент их не стало. Я выбежала из круга блужданий и оказалась среди новых холмов. Они мне были незнакомы. Немного выше прежних, острее, объёмней. И самое забавное, почти язвительное, выводящее из себя, что я обнаружила – были камни, мелкие тёмные камешки, пытающиеся слиться с песком. Но я их увидела! Даже в ладонь

взяла, стала рассматривать.

Оставалось лишь горько насмеяться над собой. Это было невыносимо. Надо мной точно потешались небеса. По крайней мере новый вывод напрашивался сам: здесь есть понятия пространства, и оно разное. И если я увидела эти изменения, скорее всего, у меня оставалась надежда дойти до конца пустыни. И этой надежды мне хватит. Я постараюсь.

Хождения давали свои плоды. Моя выносливость увеличилась. Я проходила огромнейшие расстояния и не уставала, как было раннее. Мои ноги знатно подкачались, а на стопах образовалась толстая твёрдая корка от постоянной ходьбы. За этим внешними изменениями был сделан следующий вывод: в этом мире возможны изменения. Значит, мои процессы жизнедеятельности подчинялись каким-то неведомым законам, именно поэтому я была ещё жива. Я могла умереть. У меня был шанс, но возможности из-за правил этого мира не появилось. Теперь не могла так беспечно к себе относиться. Подносить ладонь к горлу оказалось теперь проблематично.

Стала ощущать страх за свою жизнь, что могла её оборвать, не попытавшись дойти до рубежа, не испив волю до последнего вздоха. Мои руки начали дрожать только при одной мысли... Новая волна безумия. Прозрение далось слишком тяжело, тяжёлый кашель, красное горло и лёгкая апатия. И всё ещё шла.

Шла, смотрела вперёд, пока не заметила чёрные рваные

ленты, парящие с песком у подножия холмика. Они поднимались вверх, но их удерживало тяжёлое свёрнутое в неестественную позу тело. Я отчётливо увидела его. С вершины глядела вниз, следила, не спешила подбежать и окликнуть. Ждала первых шагов неизвестно кого. Ждала ленты, что должны были с ветром взмыть в небеса. Беспристрастной фигурой возвышалась над пустыней, смотрела вниз и пыталась понять, что чувствовала: радость ли это или печаль? Что предвещала эта встреча?

Смогу найти ответы? Вернуться домой?

А ещё я боялась увидеть в чёрных лёгких одеждах, ткань которой немного была схожа на шифон, труп. Моя сущность привыкла к одиночеству, бесконечному блужданию, некоторому спокойствию, знанию, что прошлое бодрствование будет похоже на грядущее. Сегодня судьба давала шанс поменять направления дороги. Я же колебалась. Приняла на себя роль судьи, раздумывающего, достойно ли то существо моей компании. Какой же стала злой и циничной. Общество показалось мне более беспокойным и отягощающим, чем одиночество, от которого плакала под солнцем, скребла по горлу, доходя до ключиц, спускаясь к области сердца.

Моя отвратительная черта, заглушённая молитвами и скитаниями, просочилась, как только она почувствовала колебание «судьи», бездарного человечешки, неспособного предугадать, что будет за тем холмом, куда обращался взор, за другим холмов, далеко-далеко.

А ленты всё вились и вились над пустыней. Молчаливая странница следила, дрожала и пыталась решиться. Несколько раз пыталась спуститься, пару раз хотела сбежать, но всё человечность не позволила бросить незнакомца посреди жестокой природной зоны. По крайней мере мы были одни-однёненьки. Возможно, мы были единственные в этом мире.

Дрожали колени. Сердце стучало так быстро, так больно, так громко, что чуть не оглохла. А моё дыхание разрывало барабанные перепонки. Как гиена обходила незнакомца, принималась, осматривалась, старалась выделить из одежды руки и ноги, голову.

Кровавый, изуродованный, пышущий первозданном злом. Одного взгляда с расстояния двенадцати шагов хватило, чтобы понять, насколько тяжёлая доля мне выпала. Мои руки... они тряслись. Ноги подкашивались.

Жуткая картина. В кровавых сгустках, по среди длинных одежд, лент, частично засыпанный в песках, лежал дремлющий путник, уставший ходить по пустыне, потерявший всякую надежду на избавление от болезненных ощущений по всему телу. Я могла увидеть лишь его тонкие, длинные и очень бледные пальцы, чёрные густые волосы, развевающиеся на ветру, достигавших его плеч. За ранами, шрамами, следами от ожогов, кровавыми пятнами его лицо было отвратительным уродливым. Он не открывал глаза, почти не шевелился. Лежал лицом к небу, словно застывший камень плыл по рекам песка, отдавая себя на волю природы.

Одно из самых тяжёлых воспоминаний об этом путешествии, была проверка его дыхания. Мне было страшно подходить к нему, высокому мужчине, явно имеющего необыкновенную силу, садиться на колени и подносить ладошку к груди, чтобы услышать биение сердца, пока вторая должна была дотянуться до носа.

Всего несколько секунд. Всего на несколько секунд. Я хлебнула столько горя и отчаяния за эти несколько секунд. Мне показалось, что изрядно поседела.

Он не дышал. У него не билось сердце.

Точно одна, покинутая всеми. Осталось лишь сойти с ума. «Так неправильно», – шептала губами, готовилась к срочному массажу сердца, хотя это было бесполезно. Всего немного мгновений.

И снова полукрик-полустон вырвался изо рта. Всхлип.

Представила, что мы уже пойдём по пустыне вместе, что буду мириться с чьим-то обществом, что мы станем сильнее и завершим игру. Это всё, чего так желала.

Все надежды рухнули. По щекам текли слёзы.

Мои ладони, сложенные крестом, десять раз вжались в мужскую грудь, вдавливали в неё воздух.

Слёзы падали на израненное тело.

Во мне лопались струны. Звенели погребальные колокольчики. Взрывались бомбами салюты. После всего должна была наступить звонкая продолжительная тишина, что позволила бы оставить землю.

Десять раз, как вечность, продлились слишком медленно. Секунды не считались. Я не дышала. Парила в ужасе. Десять раз. И уже была перевёрнута лицом к песку, а мои руки грубо были заведены за спину. Мне оставалось кричать, просить отпустить, но незнакомец, оказавшийся чудом живым, будто не слышал меня, вдавливал в крупинки, злобно. Наверняка он думал, как оторвать конечности нежданного спасителя.

Такое поведение меня быстро разозлило. Я принялась, как собака, поднимать песок, раскачиваться из стороны в сторону, чтобы освободиться из титановой схватки. Я вилась будто змея, просила выпустить. Кричала от боли. Выла. Ему было всё равно. Держал, заламывал сильней.

В какой-то момент удалось освободиться, резко развернуть туловище и как дать по лицу существу, что тот замер на некоторое мгновение, не забывая держать левую руку. Он стоял на коленях, смотрел на меня... хотя нет... не смотрел. Он до сих пор не открыл глаза.

Я нависала над ним, скрывала от усилившегося ветра, бьющего в спину. Глядела и шипела, пыталась образумить, но никак на слова мужчина не реагировал. Следил за шорохами, двигал плечами, ничего не понимал, поворачивал голову только на звуковые волны. Тогда я сделала третий вывод в этом мире: путник, кого встретила, оказался настоящим инвалидом. Он не только был весь переломанный, уставший; он не мог видеть, слышать, говорить.

Агрессивный, жестокий, надменный. Даже в таком пла-

чевном состоянии он стоял на коленях как член из императорского рода, с гордо поднятой головой; дикой неестественной усмешкой он одарил меня.

Теперь я даже змеёй не имела права называться! Я превратилась в игрушку для питона. Его цепкие ручища обхватили меня как хвост, сжали и с хрустом откинули от себя.

Злое существо, которому не ведома благодарность. Ужаснейшее существо, человек или нет, не желавшее существовать. Это прекрасно было видно. По его резким движениям, импульсивностью, излишним раздражениям. Крайне недовольным от пробуждения он сел на песок, правую ногу согнул, левую вытянул и принялся получать ветер в лицо. Он смотрел в никуда, не пытался ничего усмотреть, просто зрел в одну точку, тлел от беспомощности и усталости. Каждая клеточка тела горела, искрилась от боли и неудобства.

Мне стоило его ненавидеть, но получилось испытывать лишь сочувствие. Я ещё могла видеть, слышать, петь, а он находился в омуте собственных мыслей долгое время, дичал без общества. Только сила осталась при нём. Я могла заполнять пространство звуками, но он даже попросить о помощи не сможет.

Мне стоило его отвергнуть, покориться несовершенству и пойти дальше, но меня остановило сострадание и милосердие к врагу. Лишь я могла годиться ему в проводники. Лишь я могла дойти до конца пустыни и увидеть изменения вокруг. И я больше не собиралась идти в одиночестве.

Пускай будет сложней! Пускай мне придётся тащить его на спине!

Я смогу. Я сделаю это.

Ведь я не одна.

Пускай у него плотная холодная кожа. Пускай не бьётся сердце. Он жив, способен на чувства, не имеет притворства, беспомощен, как котёнок, могучий как лев.

Я сильнее его.

Моя рука будет тянуться к нему и вести вперёд.

Вновь дрожало тело, когда подходила к нему, но уже такой тяжести не ощущала. Я поступала правильно, по совести. И пускай он не способен увидеть мою доброжелательную улыбку, увидеть истину через зеркало души, пускай. Добро должно совершаться просто так.

Глава третья. На земле песчаной

Моя рука тянулась к его напряжённому плечу. В любом случае, нарвалась бы на сопротивление, раньше или позже. Мне уже не страшно.

Почти звериный хрип вник в мои уши, прогремел в ушной раковине. Слишком недовольный. Пропустил воздух через сдавленные лёгкие. Своими пальцами резко схватил мою ладонь, до хруста сжал, поскрёб отросшими ногтями и откинул. Было странно смотреть на кровавые полосы, но упорства во мне было больше, чем крови, поэтому вновь потянулась к плечу. Так продолжалось целых три раза. С каждым разом путник расплылся больше, вскипал, желал накинуться и разорвать.

На четвёртый раз, взволнованная донельзя, уставшая и утомлённая незаходящим солнцем, со скоростью света ухватилась за большую злую ладонь и также прижала к своей груди, чтобы он прочувствовал вибрации сердца, что дрожало от страха, выпрыгивало из клетки. Мне удалось его удивить. Существо оцепенело. Не поворачивая голову, продолжая смотреть вдаль, чувствовал человеческое сердце. На волевом лице сменялась картина за картиной. Обескуражен. Удивлён. Будь его воля, от удивления бы поседел!

Постепенно моя смелость уходила. Мы сидели так слишком долго. Это смущало.

Сняла мужскую руку, отсела от него на полметра и стала глядеть на него, пытаюсь унять гамму эмоций, решить, куда держать путь. Оставаться здесь бессмысленно. Совсем недавно поменялся пейзаж. Исследование этих краёв ещё не закончено.

А я всё думала и думала, пыталась понять, как пообщаться с новообращённым товарищем, сидящем с прямой спиной, горделиво, будто бы являлся королём пустыни, мгновение смятения прошли. Он не попытался со мной даже сделать что-то, просто сидел и всё.

– Статист, – выругалась на него, не скрывая своего раздражения. – С тобой что делать? На что-то же обращаешь внимание? Ответь! Вы! Ты! Хоть кто! – звала его, шумела. И только плечи немного подрагивали от громкой звуковой волны.

Это совсем мне не нравилось. Спать себя заставить не могла. Боялась, что путник сбежит от меня, не смотря на изъяны. Лишаться хоть какой-то компании слишком глупо.

Напряжённые думы, не обрамлённые мечтаниями и размышлениями по отношению к бытию, наконец вспыхнули красками – придумывала план по растормошению брата по судьбе. Любовалась красивым мужественным лицом, проникала мыслями в его непонятную голову, глядела на свои ладони, вслушивалась в стук сердца.

Чем дольше остаёшься одиноким – тем быстрее приходят сумасшедшие замыслы. Никак не ожидала, что моя храб-

рость заставит так изошрённо измываться над инвалидом. Слишком храбрая. Слишком быстро думала.

Пока ветер усиливался, песчаные потоки призывали не сбивать темп путешествия, а существо, не думавшее подняться, оказался обвит поясом от халата, в котором попала сюда. Я говорила, как можно громче, сидя на коленях, удерживая с невыносимой для меня силой, трясущуюся ладонь, которую продолжали мощные, натренированные на злодеяства пальцы, цепкие, обжигающие льдом. Пока он второй ладонью вдавливал в песок моё лицо, лишь улыбалась, понимая и сочувствуя. Пока он вдавливал меня, а я всматривалась на полумертвеца, в его очерстневшей лик, проявлявший столько злобы, в синие от красноты вены, покрывшие замысловатыми, симметричными узорами область острых выразительных ключиц, длинную толстую шею, как у лихого жеребца, бледные щёки, от которых остались лишь выразительные скулы, прямой нос, ноздри которого так и дымились от гнева и недовольства, а узоры всё вились и вились, и вот его глаза, что не увидать, пока он сам не позволит... Пока он вдавливал меня, ослабевшими пальчиками выводила буквы на разных языках, что знала, иероглифы, что помнила. Надеялась до последнего, что существо поймёт меня и сжалится.

Зрячая и незрячий. Немой и говорящая. Слышащий и глухой. Крайности одной монеты. Мужчина и женщина. Земля и небо. Посреди вечного изменчивого мира.

Кто-то тянет руки, кто-то их прячет. Кто-то протягивает в дружеском настроении ладонь, кто-то от желания выпучить на общество свою значительность и лицемерное великодушие. Кто-то протягивает от сочувствия, а кто-то скрывает в карманы или за спину от невыносимого угрызения совести, от душещипательной истории страха.

Кто сломается первым? Его воля или моё упорство?

– Или погибнем здесь вместе. Я не отпущу тебя. Пускай не слышишь, но лучше бы тебе уловить мою интонацию, – захрипела, подобравшись к уху, скрываемому чёрными волосами, плотной тёмной тканью. – Мы должны идти. Я помогу тебе. Так что встань. Встань! – и подхватила его за грудки, когда попытки вывести буквы оказались тщетны.

Я напоминала песок в вихре шумного ветра. Я проникала в каждую щель. Я заполняла собой всё пространство.

Мой голос. Моё стремление продолжить путь. Мои руки, тянущие за собой мужчину, к небу, к солнцу, к концу путешествия. И десятки лент, устремившиеся за одинокими путниками.

Я тащила его, надрывалась, звала к себе. Я тащила его груз на себе. Я взяла всё. Как сошедший с ума творец, признавший в себе Наполеона, как взяточник, не знавший в себе меры и благородства, и чести, как человек, что не может напиться, выспаться или отдохнуть, как полоумный, по колению утопая в песке, тащила на себе его. Существо не стремилось

больше вырваться, бить меня, душить, оно просто распласталось и позволило взвалить на себя всю тяжесть испытания на себя.

Гадкий лицемер. Ленивый хитрец. Урод.

Но я выбрала этот путь. Я решила взять всё. Я решила не жаловаться.

Даже если нас будет миллиарды повсюду, даже если утону в людях... где гарантия, что не поступлю также, повстречав его на пути вновь? Что не позволю тащить себе печаль мира, выносить чужую судьбу человека, что просто зацепится, почти безвольно, нехотя, за протянутую руку, смелую, очень дурную?

Мы всегда жалеем не тех, а кто действительно нуждается в помощи... признаём их слишком сильными для вольных глупостей и проявлений низких эмоций, как истерика, плач, заразительный, совсем не светский смех. Нас попрекают воспитанием, зарывают нашу искренность в гробы, состоящие два на два, с четырёх сторон, а ещё из границы, закрывающей вверх, и той, что вот-вот упадёт, хрустнет, и ты уже даже не на дне. Лицемеры растят из нас лицемеров. Слишком стыдно громко смеяться, ругаться матом, когда больно, потому что не прилично, хотя это более чем выражает негодование, а, может, помогает избавиться от боли и желания убивать тех, кто так вытряс душу, что дышать невыносимо. неприлично. Неправильно. Аморально.

Резкие шаги. Росло раздражение. Тащила, молча, не жа-

ловалась, уже даже и привыкла идти вперёд и без остановок, не обращая внимания ни на тяжесть, ни на обстоятельства, ни на себя.

Внутри, так глубоко, куда и мысли боялись соваться, всё бурлило, как в жерле ещё не разродившегося вулкана. Он бы не только Помпеи залил, залил весь этот проклятый мир, растворил бы каждую крупинку, сделал из всей пустыни мёртвую гладь, на которой только скользить и мазаться остывшей магмой.

Руки тряслись от напряжения. Тело требовало пощады. Душа умоляла припасть к земле. Разум убеждал образумиться.

Чем была я лучше Того, кто мирно, никого не трогая, никого, не прося о помощи, самодовольно сидел посреди жёлтой пустоты и вслушивался в перекаты песчинок? Я потащила за собой. Совсем не жалея. Совсем не понимая. Свою злобу на себя сорвала неосознанно на него.

Осознание этого подарило мне противоядие от эгоизма – боль. Навечно. Навсегда.

Не забуду.

Не позволю забыть.

Буду каждый день просить прощения.

Опустилась с полным покаянием перед лежащим на спине. Мои ладони, израненные от трения, в мозолях, посмели притронуться ко лбу мужчины, что не смел от стыда и осознания своей ущербности открыть. Как же ему было тяжело.

Как же ему было больно.

Слёзы текли как речки бурливые с горы, редкими каплями они нечаянными плесками падали на его волосы, на лоб, незаметно, горячо, просящие милость. На лице незнакомца уже не было гнева. Не осталось ничего. Всё выгорело. Маску отрешённости пришлось надеть существу по собственной воле, чтобы попросту не растерять весь свой грозный вид.

Лёгкая понимающая усмешка.

А мои пальцы продолжали молить. Щёки – краснеть. Голова – гудеть. Надвигалась буря.

Такой песчаной бури не было с момента моего прихода. Вовремя удалось накрыть нас халатом, упасть ниц в его грудь, лишь бы закрыть лица от режущего злого ветра, за которым спешили десятиметровые волны песков, галопом скачущих по пустыни, в целях у которых было лишь желание уничтожить всё живое.

Волны хлестали меня по спине, по затылку, словно плети, рассекая мышцы, не жалея, зло, прозорливо укоряли за беспечность и излишнее «трудолюбие». Терпеть злодеяния природы пришлось долго.

Когда всё кончилось, нас уже давно похоронил песок. Много часов пришлось потратить, чтобы выбраться и вытащить существо, вяло следовавшего за мной. Мы оба устали. Мы оба изнемогали от слабости, поэтому через пару километров, откуда выползли, сделали привал и уснули.

Глава четвёртая. Анчар

Солнце не думало заходить. Оно продолжало светить всем на зло, освещая путь, отражаясь в каждой крупинке, раздражая. Ветры не думали стихать. Так и стремились отхлестать меня песком, чтобы разделить нас с путником. А само существо и не скрывало дурной характер, оно уже шло само, по поясу, послушно, но проявляя излишнее напыщенность и скептицизм.

Однако прогресс был на лицо. Мне даже показалось, что с такими темпами мы дойдём до конца испытания, но кто знал, что на этом всё только начинается? Только и могла догадываться, что всё будет только злей с повышенными ставками.

Чёрных песчинок становилось больше. Теперь не составляло труда их разглядеть. И скоро, как по ощущениям, из вечно жёлтой пустыни мы должны были попасть в иссиня-чёрную, ещё более мёртвую. Это, признаюсь, очень пугало. Зловещее подкрадывалось. Сбивало с начертанного пути.

Порой даже я не желала никуда идти. Пересиливала и шла вперёд, потому что дала слово, да и за мной шло существо, только начавшее доверять. Я шла, глотая слёзы, страх и крики, глушимые. Почти молчала, боялась спугнуть хрупкую связь между нами. В этой тягучей тишине, выматывающей сильнее от продолжительных путешествий по сторонам

света, чувствовала себя потерянной... одинокой, ещё более несчастной, чем перед встречей с путником.

Становилось не по себе от веющего от него холодом. Хотелось скрыться, сбежать, только не чувствовать его мертворожденную ауру грешника, отзывающее в каждом тяжёлом шаге, напоминавший путь как на казнь. Его тень, испепелённая солнцем, продолжала скрывать мою, полностью опустив свою на меня, заставив принять его, как себя, растворяя все мысли, чувства, индивидуальность – личность. Теперь я была не я. Я не кричала, не гневилась Вечных существ, не требовала спуститься вниз, не пела задорные протяжные песни, а как хотелось! Как мечталось вновь заполнить пустоту звуками и оказаться посреди хора, пускай непрофессионального. Как же хотелось выразить печаль, копившуюся в брэнном теле.

Вулкан кипел. Лава подступала к жерлу.

На изводящем нас небом подступалась невидимая гроза.

Мы были на пределе.

– Хоть ты и глух, паршивец, но всё же какой-то слушатель, – когда стало совсем невмоготу держать рот на замке, размышлять лишь сама с собой, тогда и села напротив медитирующего существа, не смотрящего куда-то вдаль. Усмехнулась, уселась поудобней, начала говорить о странностях в жизни. Не надеялась ни на какой отклик. И была не разочарована тем, что тот даже голову не повернул. – Твоя жизнь наверняка хуже моей... вон каким побитым прибыл! Раны

так и не затягиваются, шлейф из крови – хорошие красные веточки на деревьях, по крайней мере дорогу обратно найдём, – продолжала усмехаться, глядя на вольную фигуру, немного завидовать неосведомлённости об этой Вселенной, скрывать печаль за едкой насмешкой. – Мне всё интересна твоя история. Ты не человек. В твоей одежде то и дело перья белые попадают, только грязные от крови, уши острые, зубы немного, да и очень высок и силён, другой бы пластом сидел или паниковал, а ты... спокойно, размеренно принимаешь бурю в лицо... кто ж тебя сюда отправил? За какие заслуги? Я на свой билет наверняка наскребла... были грешки... А ты... оборотень, что ли? Лебедь, утка, белый ворон или филин? – уже вовсю издевалась над ним, не могла успокоиться, занимала звуковые потоки, вытесняя спокойствие из головы существа. Он злился на меня, недовольно подворачивал голову. Хотел повернуться ко мне, да только гордость не позволяла, интерес-то у него был. Высокое существо... покинутое, одинокое и такое слабое... А моя злость и усталость, грусть и тоска становилась злее и отчаянней. – Тут даже ситуацию про необитаемый остров не разыграешь... только посмеёшься над нашим положением. Одни, посреди пустыни, не голодны, не имеем особых потребностей, только во сне, хотя сомневаюсь, что ты и спать умеешь. У тебя только три движения: сидеть, стоять и идти вперёд, никакого разнообразия. Но и скучная жизнь не для тебя. Видела костяшки пальцев, стёрты донельзя. Судьба совсем не баловала, да?

Мне больше повезло, хотя бы семью имела, не приходилось с кулаками носиться да что-то помимо пустыни увидела, к тому же органы чувств и осязания есть. Я не хвастаюсь, совсем нет. Просто тяжело быть одной. Хочется поговорить, чтобы кто-то разделил этот момент, сказал, что ты не одинок, даже если это будет жалкой шуткой для ничтожного человека. Я хочу это. Хочу услышать что-то кроме моего голоса. Хочу, чтобы меня увидел кто-то, заметил. Не представляешь, как хочется, чтобы кто-то был рядом и не сидел как памятник, а шёл вперёд на равных. Наверно, это не моё. Наверно, это моя вина, что всё так обернулось, – продолжала сходить с ума, глядеть в кучку сграбленного песка, на монолог ставший ко-стром. – Мы здесь никому не нужны. Над нами потешатся всем, кому не лень. Не знаю, на сколько ещё хватит воли, но я правда признательна, что ты пошёл за мной. Пожалуйста, не отвергай мою руку, иначе я потеряю всякий смысл идти. Я уже устала. Очень устала, – тон становился тише. Пала в сонливое забвенье. Видела во сне дом, свою комнату, родных. Чёрными кляксами застилали путь. Делали путешествие ещё более жестоким.

Проснулась с криком, со слезами в два ручья; ладони дрожали, колени тряслись, голос сел. Это время после краткого сновидения хотелось провести в весёлом обществе, чтобы забыться. Пробуждение было страшным. Я боялась грёз, ещё больше того, что путник сбежит. И как же была счастлива, увидев его стоящим над пустыней, осматривающего незря-

чими глазами бесконечную даль жёлто-тёмных равнин и холмов. Ветер поднимал его одежду, продувал, оголял его плечи и шею, стопы, как же была бледная его кожа! Оно будто бы светила миллиардами крупинок алмазов. Чёрные ткани всё вились на ветру. Его вольная фигура, свобододлюбивая поза...

Его ограничивало осязание, незрение и немота, так бы он покорил эту местность в два счёта. И пускай был ещё слаб, но в этих мощных ногах, поваливших на спину бесчисленное множество врагов, уже накапливалась сила. Мне оставалось только наблюдать за медленным преобразованием существа, желать ему побольше терпения и воли, мужества и смирения, а ещё веры. Пусть она зальёт синим светом этот мир! Вспыхнет пламенем надежды. И тогда мы оба вернёмся в наши дома. Я верила. Верила всем сердцем. Пока во мне ещё была надежда, хоть какой-то шанс имелся.

Путник различил в перекатах крупинок мои шаги и с гордо поднятой головой повернулся ко мне. Он терпеливо выждал приближение, как я беру пояс и начинаю идти.

Мы ждали новой бури. Мы шли. И было гораздо спокойней. И стала гораздо легче, словно существо решило поддаться ещё чуть-чуть.

Мы тонули в песке, плыли по глади, плутали по однобокому миру, чувствовали еле заметные изменения – ещё больше черноты в песке, ещё жарче становилась звезда. Холодный

путник не придавал этому значение, но с меня стекал пот и делал наше путешествие ещё более выматывающим.

В какой-то момент, когда стало совсем жарко, а перед глазами возникали галлюцинации, хоть это мне так казалось, разглядела в низовье, с вершины очередной песчаной горки, далеко тёмную большую точку. Была готова повернуть, но любопытство, смешанное с отчаянием, разожгли в печи огонь и потребовали идти как можно быстрее. Мужчина, как всегда идущий позади, с неудовольствием потянул за пояс, на что получил грозный оклик, он замолк.

Перед нами, за огромный срок блуждания, раскинулось небольшое сухое-пресухое деревце, с тонкими ветками, извилистое, как уж на раскалённом камне. Я расхохоталась. От чувств ударила путника в плечо, а тот стоял, не понимал. Тогда, хохоча до беспамятства, взяла его ладонь и приложила к стволу дерева.

Мужчина вздрогнул, отпрянул и так оскалился, что его скулы стали побольше, лицо злым... Не понимал, как и я, молчал, а я хохотала, а после сменила хохот на рёв. Не видеть перед собой ничего кроме песка, солнца и неба! И наткнуться на сухое дерево.

Моё негодование не выразить словами. От возмущения даже веточку обломала, стала разглядывать её. Острая, тонкая, способное с лёгкостью пробить мышцы и убить.

Избавит ли это от хождений?

Способно ли оставить его одного?

Столько мыслей крутилось в голове, пока смотрела на эту веточку, ничего решить не могла. Через некоторое время обернулась к сидящему в позе лотоса мужчине, увидела кровавый след с холма до нас, сжала ладонь в кулак и надломила ветку.

Чем может помочь сухое дерево? Разжечь костёр как-то глупо. Плоды оно не даст – воды нет. Да и находится посреди песков – что оно тут забыло?

Принялась надламывать ветки, наслаждаться треском, новыми звуками, мыслить и представлять, что собиралась с ними сделать.

Когда в карманах оказалось по несколько веток, подошла к путнику, села позади и по-хозяйски прислонила палец к его губам в знак молчания. Снова обескуражен смелостью, но что поделать, если у меня напрочь отсутствует инстинкт самосохранения?

Просидев с полминуты около его спины, проследив кровавые подтёки, решила наконец-то заняться его ранами.

Существо так шипело, так выгибалось и желало свернуть мне шею! Я только оттянула его одежду, оголив спину! Стоило этого ожидать. Стоило это предвидеть, что оно до последнего будет скрывать свою тайну. Однако это беспомощное существо, способное только руками задушить, нуждалось в помощи. С позором, склонив голову, после долгих обдумываний принял её.

От шеи, от лопаток, по лопаткам до поясницы шли от-

вратительные раны, незащитые, открытые, в мясе которых были вогнуты и тонкие осколки лезвий с остатками резьбы, и кончики перьев, и кусочки невиданного прежде металла. Вся спина – ни одного живого места. Какую же муку испытало существо, так стойкой путешествующее по пустыне? Слезы вновь текли. Капали в раны. Стекали по рукам. А я перебирала пальчиками, поддевала инородные материи ветками, используя их в качестве рычага и крюка. Вытаскивала, умывалась в его почти чёрной крови, прослеживала борозды – самые страшные – две почти параллельные вертикальные черты. В лопатках, самых широких ранах, откуда они начинались, смогла нащупать крошащиеся кости. Белые. Замызганные кровью. В какой-то момент я представила невозможное. Представила, что с этого места начинались крылья, белые, как те перья, что были в одежде, волосах, даже в ранах.

Дрожала как осиновый лист. Трепетала как перед божественным приведением. Не понимала, как нас свела судьба. Он и я.

Ничего не знала о нём, но прикасалась к нему, выдёргивала и выдёргивала, причиняя ему ещё больше боли, избавляя от тени прошлого, от прошлой сущности, от рода, к которому он когда-то принадлежал.

Изгнанник. Пошедший против всех. Преступник. Недостойный сын. Недостойный брат. Ангел. Из самых сокровенных фантазий – существо, которому каждому из смертных, наверно, хотелось бы увидеть при жизни.

И как хорошо, что не могла увидеть его лица. Как хорошо, что у него не было глаз. Иначе бы я узнала всё о нём. Всё!

О, существо, попавшее в это место, ангел-хранитель мой, бескрылый, одинокий бедуин? Или по воли ушедший от Бога, сын, творение его? Ты потерял крылья. Тебя кинули сюда помирать. И ты продолжаешь вставать и идти. Ты доверился человеку, единственному, кто подал тебе руку. Конечно, можешь быть не добр к нему. Конечно, можешь после отвергнуть. Кто я? А кто ты? О существо, чьи раны поливаю слезами, залечиваю, избавляя тебя от того, что причиняло страдание, сможешь ли ты продержаться ещё немного? Наверняка у тебя есть место, куда можно прийти? Ты же не единственный, кто блуждает здесь? Есть ли хоть кто-то, кто на твоей стороне?

– Я буду с тобой, пока за тобой не придут. Обещаю, – улыбалась, говоря за спиной, давая бессмысленные обещания, надеясь, что тот не останется одиночкой в этой пустыне.

Многого желала. Много просила. И просила спасти его: вернуть зрение, глаза, звуки, язык и силу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.